

К Коменскому — в XVII век или с Коменским — в XXI век?

Зоя ТЮМАСЕВА, директор Института здоровья и экологии человека Челябинского государственного педагогического университета, профессор, доктор педагогических наук
Юлия МОРОЗОВА, научный сотрудник Института здоровья и экологии человека

Наступит время, Коменский, когда будут тщательно разработаны твои дела, надежды и даже самые твои желания.

Г.В. Лейбниц

Слова Г.В. Лейбница, вынесенные в эпитафию, замечательны тем, что, будучи по форме обращёнными к живому человеку, сказаны были по поводу смерти Яна Амоса Коменского.

Если бы о нём была написана книга или снят кинофильм, такое произведение по накалу страстей не уступило бы трагедиям Шекспира, потому что жизнь этого скитальца из моравского местечка Комны по странам, судьбам, идеям, мыслям и научно-философским представлениям о становлении подрастающего человека вместила всё, что может быть отпущено человеку: и страстную любовь, и потерю близких людей, и общественное признание, и внутреннее одиночество, и глубокое почитание, и предательство друзей, и войны, и изгнания, и забвение, и посмертную канонизацию... Зримо представляем даже, кто из наших артистов мог бы блестяще воплотить эту грандиозную колоритную личность.

Почему-то именно великих людей жизнь одаривает великим разнообразием жизненных впечатлений, сюжетов, коллизий. И, может быть, в этом проявляется всеобщий закон достаточного разнообразия, который регулирует устойчивое развитие природы, человека и общества. Хочется прикоснуться к истокам великого как к чистому роднику жизни.

Фамилию свою Я.А. Коменский получил по названию моравского местечка Комны, где жили его родители. Так было заведено в Моравии XVI века, когда фамильные имена ещё окончательно не установились.

Он многое успел сделать для детей и взрослых не только своего времени, но и последующих поколений, веков и эпох, написав умные, поучительные и яркие книги, самой известной из которых стала «Великая Дидактика». Хотя ещё при жизни Я.А. Коменского «золотой книгой» была названа совсем другая его работа — **«Открытая дверь языков и всех наук»**, которая быстро распространилась во всех странах Западной Европы и была переведена на ряд восточных языков. К сожалению, эта жемчужина педагогики мало известна современным учителям, воспитателям, руководителям образования. А прочитать её было бы полезно каждому из нынешних... не только педагогов.

Однако Великая Дидактика потому и названа Великой, что возвышается над всеми другими дидактиками, которых много, — так распорядилась сама история. И как-то неуютно становится от допускаемого иногда небрежения именно к Великой Дидактике — в связи с далеко не всегда обоснованным использованием словосочетаний «современная дидактика», «дидактика XXI века»: ведь «Великая» означает самая большая, всеобъемлющая, главная.

Нам бы понять для начала, и хорошенько, ту дидактику, которую он сам осмелился назвать Великой и которая до сих пор **даёт жизнь новым идеям, подходам и даже новым наукам**, например, онтодидактике, эдукологии, теории образовательных технологий и т.д.

Однако значение «Великой Дидактики» Я.А. Коменского не только в прошлом, но и в настоящем, и не только для учителей, воспитателей, педагогов, но для нынешней педагогической науки и организаторов сегодняшнего образования, переживающего глубокое обновление, преобразование, реформирование. Потому что «Великая Дидактика» стала в своё время научной основой, конструктивным планом и энциклопедией методов реформирования образования и тем самым представляет собой поучительно-блестящий пример того, как и во имя чего делать образовательные реформы.

Я.А. Коменский своей «Великой Дидактикой» не только учит реформировать педагогическую науку и школьное дело, но, что не менее важно, предлагает катализатор педагогиче-

ских обновлений. И было бы великим грехом не воспользоваться этим даром, не потерявшим своего блеска на протяжении почти четырёх столетий.

Написана была «Великая Дидактика» в 1632 году на чешском языке. По этой причине она не получила широкого распространения, потому что международным языком учёных и образованных людей была в то время латынь.

Я.А. Коменский торопился, когда писал эту книгу, торопился потому, что развитие школьного образования, которому был посвящён его труд, представлялось ему единственным надёжным путём восстановления Чехии, измученной тридцатилетней войной. Прошли, однако, долгие 17 лет, прежде чем, наконец, она была издана. Понимая, что виной тому малоизвестный в Европе язык его народа, Я.А. Коменский перевёл «Великую Дидактику» на латынь. Эту работу он закончил в 1638 году, пересмотрев и основательно переработав первый, «чешский», вариант своей книги.

И опять пройдут долгие годы, прежде чем будет издан теперь уже латинский вариант «Великой Дидактики»: постарался «лучший друг» Я.А. Коменского по имени Иоахим Гюбнер, который написал отрицательную рецензию на рукопись. Подобные «друзья» всегда появляются «в нужное время и в нужном месте»: у Моцарта, Дарвина, Л.С. Выготского, Н.В. Тимофеева-Ресовского...

Я.А. Коменский не однажды подчёркивал, что Великая Дидактика имеет глубокие корни в трудах его предшественников: Лютера, Кальвина, Меланхтона, Рабле, Монтеня, Рахития, Андреэ, Вивеса, Гельвига, Юнгиуса, Раумера, Томмазо Кампанеллы, которые разрабатывали свои собственные дидактики. Особо подчёркивал Я.А. Коменский преемственность своих взглядов по отношению к взглядам Андреэ. Чтобы отделить свою дидактику от дидактик, созданных этими мыслителями, Я.А. Коменский и назвал её Великой, имея в виду тот факт, что в ней критически осмыслен и обобщён опыт крупнейших исследователей образования — его предшественников и современников. А вот в наше время, говоря о дидактике, мы даже не уточняем, что имеем в виду именно Великую Дидактику Я.А. Коменского: другие-то канули в Лету.

Почему происходит такое? Плохо это или хорошо? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к аналогии. Во времена Александра Сергеевича было шесть поэтов, носивших ту же фамилию — Пушкин. И тем не менее, произнося сегодня эту фамилию, мы без всяких уточнений и дополнений понимаем, что речь идёт именно об Александре Сергеевиче.

Стало быть, ответы на поставленные выше вопросы — идёт ли речь о А.С. Пушкине, Я.А. Коменском и другом *великом* — даёт сама история, а не критики, хулители или, наоборот, доброжелатели.

А ведь и сегодня нашлись бы, пожалуй, критики, которые обвинили Я.А. Коменского в нескромности: ну как же, нашёлся автор, возвеличивший свой труд до такого уровня! Только вот в те времена, удивительное дело, «выходка» его не вызвала никаких эмоций. Впрочем, возможно, и не правы мы, потому что уже в наше время некоторые из создателей *эдукологии* — «современной принципиально новой науки об образовании» — называют её Великой, кстати, по той же причине, что и Я.А. Коменский. И относиться к этому надо очень спокойно, имея в виду общенаучный принцип дополнительности Н.Бора, который утверждает, что никакая научная теория не может быть признана состоятельной, если она не дополняется другой теорией, не эквивалентной ей, но дополняющей её. Декарт говорил на эту же тему более категорично: наука, которая знает всё, на самом деле не знает ничего. Именно поэтому в дополнение «Великой Дидактике» возникла «Великая Эдукология», правда, спустя почти 400 лет. Хотя справедливости ради надо заметить, что и до этого возникали альтернативы дидактике, например, в виде педологии, педагогической психологии, онтодидактики, теории куррикулы. Другое дело, что все они как-то не очень утверждаются в теории и практике образования, по крайней мере, российского.

«Какой большой и лучший дар мы можем предложить государству, как не тот, чтобы обучать и образовывать юношество, особенно при настоящих нравах и в наше время, когда юношество так испорчено, что его нужно обуздывать и сдерживать общими силами». Какая

актуальная и мощная мысль! Только вот принадлежит она не современному остроумцу, а далёкому и даже очень далёкому от нас Цицерону, сформулировавшему её в труде, который называется «De diō» (О прорицании), подчеркнём, о прорицании в области обучения и образования. Мы это к тому, что разные современные подходы к пониманию смысла слова «дидактика» основываются на различных этимологических предпосылках. Исходя из **греческого** «didaktikos», означающего поучающий, относящийся к обучению, под дидактикой понимают чаще всего и буквально науку об обучении и воспитании, реализуемом в процессе всё-таки обучения. Нам по душе другая, возможно, менее известная, но зато очень красивая версия: «дидактика» происходит **от латинского** de diō, означающего «о прорицании», и в этом случае под дидактикой следует понимать науку о прорицании, прорицании в области становления подрастающего человека, а следовательно, обучения, воспитания и развития его. Версия эта не только красивая, но правдоподобная и даже природосообразная, потому что Я.А. Коменский писал «Великую Дидактику» сначала на чешском, а потом на латинском языках, но никогда не писал на греческом, из которого, следовательно, он и не мог непосредственно позаимствовать «didaktikos».

Читая Я.А. Коменского, впрочем, как и любого другого автора из ушедших в прошлое поколений, необходимо иметь в виду ещё и то обстоятельство, что язык (не только устный, но и письменный) развивается очень динамично не только по своим внутренним законам, но и в связи с развитием общества. Именно поэтому адекватное понимание таких авторов, как он, возможно только в том случае, когда слова, сказанные им, наполняются смыслом того исторического времени, в которое жил автор, но не того времени, когда его книга читается: иначе возможны серьёзные конфузы. Классическим примером подобных конфузов, возникающих при нарушении этого правила, является формула «Война и мир», приписываемая в настоящее время художественному гению Льва Николаевича Толстого и не соответствующая ни смыслу, ни транскрипции авторского варианта этой формулы, который имел в виду сам Лев Николаевич, дав своему роману название «Война и миръ», означающее вовсе не «Война и отсутствие войны» (в этом случае Л.Н. Толстой написал бы «Война и миръ»), но «Война и наша земля, земной шар, все люди». Таким образом, осовременивание всего лишь одной буквы в названии романа радикально меняет основную идею величайшего художественного произведения.

Поучительна в этом смысле и история с «Великой Дидактикой» Я.А. Коменского.

Развёрнутое название этой книги выглядит так: «Великая дидактика, содержащая универсальное искусство учить всех всему...» (это в чешском раннем варианте книги) и ещё — «Великая Дидактика, содержащая универсальную теорию учить всех всему...» (в более позднем латинском варианте «Великой Дидактики»). А далее в том и в другом вариантах книги Я.А. Коменского говорится:

...учить всех всему
или верный и тщательно обдуманый способ создать по
всем общинам, городам и сёлам каждого христиан-
ского государства такие школы, в которых бы
всё юношество того и другого пола, без всяко-
го, где бы то ни было, исключения, могло
обучаться наукам, совершенство-
ваться в нравах, исполняться
благочестия и таким образом в
годы юности научиться
всему, что нужно для
настоящей и буду-
щей жизни

**КРАТКО, ПРИЯТНО, ОСНОВАТЕЛЬНО,
ГДЕ ДЛЯ ВСЕГО, ЧТО ПРЕДЛАГАЕТСЯ,
основания почерпаются из самой природы вещей;
истинность подтверждается параллельными примерами из области механических искусств;
порядок распределяется по годам, месяцам, дням и часам, наконец, указывается;**

А по всему тексту «Великой Дидактики» разбросаны главки, посвящённые то дидактике как искусству, а то — дидактике как теории. Притом что в развёрнутом названии этой книги дидактика соотносится и с теорией, и с искусством. Это многому учит современных теоретиков и практиков образования: ведь и современные образовательные технологии являются по своей глубинной сущности сплавом, интеризацией теории (науки) и искусства обучения, воспитания, целенаправленного развития. Притом что в самом общем понимании вещей **знания как цель** — наука, а **знания как метод** — искусство. Вывод этот принадлежит, между прочим, К.А. Тимирязеву.

Однако системную теорию образовательных технологий и технологизации образования ещё предстоит создать. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в современной теории и практике образования технология чаще всего понимается как синоним методики. Безотлагательная разработка названной системной теории тем более актуальна, что, как показывает анализ, **основная причина здоровьезатратности современного общего образования заключается именно в нетехнологичности его.**

Основоположник общей теории систем Л. фон Берталанфи подчёркивал: «Системные законы» проявляются в виде аналогий, или «логических гомологий», т.е. законов, представляющих формально идентичными, но относящихся к совершенно различным явлениям».

Если исходить из такого современного понимания системной методологии, Я.А. Коменского можно аттестовать в качестве первого системолога образования. В самом деле, его понимание природосообразности образования основывается на том, что **методы обучения и воспитания детей нужно не придумывать и не изобретать, но открывать**, наблюдая за процессом научения, существующим в мире животных, обобщая эти наблюдения и гомологически перенося их на обучение и воспитание детей — с учётом особенностей их интеллектуального потенциала. При этом под гомологией понимается непрямая аналогия или (по Берталанфи) «логическая гомология».

Тем самым, не формулируя системных законов, автор «Великой Дидактики» исследовал обучение и воспитание детей именно на основе непрямой аналогии, т.е. системными методами. В связи с этим Я.А. Коменский и понимал природосообразность образования «современнее» многих нынешних исследователей: если под природосообразным образованием в наше время понимается чаще всего образование, ориентированное на возрастные и личностные особенности ученика, то Я.А. Коменский добавлял к этому ещё и природосообразные методы обучения и воспитания, гомологичные методам научения, которые наблюдаются в мире животных. Обратимся за поддержкой этого аргумента к развёрнутому названию «Великой Дидактики», приведённому выше, в котором говорится, в частности: «основания почерпаются из самой природы вещей».

Заметим, Я.А. Коменский, изучая и реформируя образование (причём реформируя его достаточно радикально по тем временам), стоял на позициях **открывательства**, а не **изобретательства**, придумывания. Это имеет принципиальное методологическое значение, потому что открывать можно только то, что, во-первых, существует реально, во-вторых, не было известно ранее и, в-третьих, становится известным в результате изысканий, исследований; ну а изобретается то, что не существовало ранее, но оказалось «вдруг» созданным каким-то человеком. Открыть можно неизвестные ранее земли или новый закон природы, но нельзя открыть велосипед — его можно только изобрести.

Изобретательство в педагогике — это эксперимент над детьми, эксперимент с непредсказуемыми последствиями. К сожалению, в современной «научной» и практической педагогике педагогический эксперимент получил достаточно широкое распространение, хотя в **научном** плане такие эксперименты просто несостоятельны, а в **прикладном** — опасны для здоровья детей. В самом деле, в основе педагогического эксперимента лежит некая придуманная экспериментатором идея, которая реализуется в относительно малочисленной группе учеников, т.е. над детьми проводится специфический «лабораторный» эксперимент. Затем

результаты этого эксперимента внедряются (или рекомендуются к внедрению) в массовом порядке. А в общем такая методология называется **неполной индукцией** и с точки зрения научной общности она просто несостоятельна. Я.А. Коменский понимал это, изыскивая общие закономерности научения в мире живой природы. Именно это обстоятельство позволило ему ввести в педагогику метод открытий вместо общепринятой до того методологии изобретательства.

По существу, Я.А. Коменский стоял на позициях, как теперь говорят, сравнительной этологии, сопоставляющей психическую деятельность животных и человека, — в поисках общих закономерностей высших форм научения.

«В последние три десятилетия в мировой науке, в том числе и в российской, появились столь значительные достижения в этой области знаний, что можно с уверенностью говорить о настоящей научной революции ... Этим успехам в значительной степени способствовало взаимопроникновение методов этологии, психологии, лингвистики, антропологии ... Все эти вопросы обсуждаются уже в течение многих веков, однако именно в XX столетии проблема сопоставления психической деятельности животных и человека пережила несколько волн всё усиливающегося интереса» (*Резникова Ж.И.* Интеллект и язык: животные и человек в зеркале экспериментов. Ч. I: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Наука, 2000).

Великая Дидактика Я.А. Коменского построена на сбалансированной **дедуктивной** основе, **выводимости и доказательности** — именно поэтому она по своему существу является теорией, но она же, Великая Дидактика, является ещё и искусством «учить всех всему» — так подчёркивал сам автор. Я.А. Коменскому удалось создать прочный сплав науки и искусства обучения — на основе базовой системы принципов (основоположений), которых всего 29, но определяющими среди них являются принципы гуманизма, природосообразности и сенсуализма.

Таким образом, гуманная педагогика, которая поднята в наше время на щит, корнями своими уходит в «Великую Дидактику». А научно-прикладные основы природосообразного, здоровьесберегающего общего образования, достичь которого — мечта современных теоретиков и практиков образования, разработаны тем же Я.А. Коменским в той же «Великой Дидактике».

И, наконец, о сенсуализме дидактики.

Поскольку знания не единственный достаточный фактор ориентации человека в окружающем мире и не единственная наивысшая культурная ценность, обучение не должно быть ориентировано только на овладение знаниями, умениями и навыками: его высшей целью является воспитание, развитие личности во всём многообразии её проявлений. Это значит, что физическое, психическое, духовное и социальное развитие подрастающего человека тоже должны находиться и в поле обучения и воспитания. А **поскольку индивидуальное развитие человека подчиняется объективным законам, на них должно основываться и природосообразное обучение** — необходимость этого глубоко осознавал Я.А. Коменский, хотя, конечно же, знания о развитии человека были в его время совсем не те, что теперь, по прошествии четырёх столетий.

Именно поэтому Я.А. Коменский подчёркивал огромную и незаменимую **роль развития чувств** у подрастающего человека, а точнее, **упреждающего формирования у него системы чувственных отношений к окружающему миру**, обращаясь к таким формам общественного сознания, как мораль, религия, искусство, мировоззрение, культура, философия. Живи Я.А. Коменский в наше время, его озабоченность недооценкой при обучении чувственности как главной формы познания нисколько не была бы меньше, чем та озабоченность, которую он отобразил в «Великой Дидактике», сформулировав «золотое правило дидактики», которое, к сожалению, не блещит золотым отливом в современной теории и практике образования.

Именно поэтому каждому современному педагогу стоит постоянно обращаться к золоту Великой Дидактики: «... всё, что только можно, **представлять** для восприятия чувствами, а именно: видимое — для восприятия зрением, слышимое — слухом, запахи — обонянием, подлежащее вкусу — вкусом, доступное осязанию — путём осязания. Если какие-либо

предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами» (*Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. М.: ГУПИЗ Наркомпроса РСФСР, 1939*).

Тем самым Я.А. Коменский предвидел появление зла, которое называется теперь сциентизмом (абсолютизацией научных знаний), и настаивал на сенсуализме, согласно которому чувственность является первичной и потому базовой формой знаний.

И это при том, что основная формула познания — «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике» — появилась в философии много позже — почти через 200 лет после издания трудов Я.А. Коменского.

Если читатель трудов Я.А. Коменского сумеет стать его доверительным собеседником, он прояснит для себя много важных идей, например, **современное понимание** методики обучения (в разных её проявлениях), природосообразность и гуманизация образования, глубинные образовательные технологии, обусловленные интеграцией методов глубинной психологии, глубинной физиологии, глубинной экологии, а также технологии оздоровления не только обучаемых, но и самого образовательного процесса.

Так будем же общаться с классиками. И лучше делать это не по поводу торжеств и юбилеев, а для себя — по устойчивой потребности общения с Великими: классики (в отличие от неклассиков) никогда не подведут, потому что их труды обнажают **глубинные сущности** явлений, к которым они обращаются, анализируют и изучают. Именно поэтому неисчерпаем потенциал новых идей, содержащихся в их трудах. А одним из самых выразительных примеров, подтверждающих сказанное, является эдукология, которая только на первый взгляд отрицает, а на самом деле дополняет дидактику, породившую её, эдукологию, развитие которой, кстати, патронирует ЮНЕСКО.

В заключение возвратимся к названию этой статьи, чтобы оценить, какой из предлагаемых в нём вариантов предпочтительнее — к Коменскому в XVII век или с Коменским в XXI?

Полагаем, что сначала нужно идти в **ученичество** к Я.А. Коменскому в повседневных наших делах по воспитанию молодёжи, делах, отягощённых проблемами современного образования. А уж затем, через это ученичество, постоянно советуясь с Я.А. Коменским, **одолевать** самую тяжёлую, всё усугубляющуюся и актуальную проблему современного образования — неприродосообразность и здоровьезатратность его.

Ну, а сходить к Я.А. Коменскому в XVII век полезно хотя бы для того, чтобы ответить себе на вопрос: почему ему удалось понять и сделать то, что и в наше время не потеряло свежести первооткрывательства и глубины фундаментального исследования? В ответе на этот вопрос нет никакой сверхъестественной тайны: у Я.А. Коменского всё максимально доступно, постижимо, хотя и необыкновенно глубоко. Причём глубина эта не устрашает мраком, но увлекает просветляюще-осиянным светом. Именно поэтому свою «Великую Дидактику» он адресовал не только учителям, но и ученикам, родителям и всем, кому небезразлично будущее своего народа.